

Коломиєць Ю. Ю.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедри уголовного права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА IDEOLOGICAL CONDITIONALITY OF THE CONCEPT OF CRIMINAL LAW

В статье поднимается проблема идеологической обусловленности понятия уголовного права. Обосновывается идея, согласно которой история становления советского права свидетельствует о том, что к позитивистскому, а точнее, к нормативистскому подходу к определению права перешли с целью преодоления вседозволенности и произвола. На основании этой идеи формулируется понятие уголовного права как отрасли права.

Ключевые слова: понятие уголовного права, позитивистский подход к уголовному праву, «дух» уголовного права, «буква» уголовного закона, принципы уголовного права.

У статті піднімається проблема ідеологічної зумовленості поняття кримінального права. Обґрунтовується ідея, згідно з якою історія становлення радянського права свідчить про те, що до позитивістського, а точніше, до нормативістського підходу до визначення права перейшли з метою подолання вседозволеності та чиновницького свавілля. На підставі цієї ідеї формулюється поняття кримінального права як галузі права.

Ключові слова: поняття кримінального права, позитивістський підхід до кримінального права, «дух» кримінального права, «буква» кримінального закону, принципи кримінального права.

The article raises the problem of ideological conditionality of the concept of criminal law. The author substantiates the idea that the history of the formation of Soviet law shows that the positivist, to be more precise, normative approach to the definition of law was passed with the aim of overcoming permissiveness and arbitrariness. Based on this idea, the concept of criminal law as a branch of law is formulated.

Key words: concept of criminal law, positivist approach to criminal law, «spirit» of criminal law, «letter» of criminal law, principles of criminal law.

В юридической литературе сформировалось мнение, согласно которому одной из основных проблем современного уголовного права является позитивистский подход к его определению. Данной позиции придерживаются М.В. Костицкий, А.Н. Костенко, А.И. Луцкий, В.А. Навроцкий, Н.И. Хавронюк и др. По мнению А.Н. Костенко, между представителями отечественной юридической науки идет «идеологическая борьба» по вопросу «что является первоисточником права – «буква» закона или его «дух»?». «... сегодня в Украине побеждает позитивистская правовая идеология, – пишет А.Н. Костенко, – в соответствии с которой «буква» признается первоисточником права. В соответствии с этим, «буква» закона отрывается от его «духа» и превращается в инструмент для злоупотреблений. С помощью «буквы» закона, оторванной от его «духа», можно, позитивистски толкуя текст закона, манипулировать им как угодно, обосновать что угодно: например, что черное – это белое. И все это будет иметь видимость «буквенной», то есть формальной, законности. Правовой позитивизм открывает таким образом путь к легализации вседозволенности» [1, с. 216–217].

Если вспомнить историю становления советского права, то к позитивистскому, а точнее, к нормативистскому подходу к определению права перешли именно с целью преодоления вседозволенности и произвола. Основные направления и концепции понимания и трактовки права выделил и проанализировал в хронологическом порядке В.С. Нерсесянц. По его словам, в советское время право существовало в таких формах:

Право как орудие диктатуры пролетариата. Право в условиях диктатуры пролетариата, по словам Д.И. Курского (наркома юстиции в 1918–1928 гг.), – выражение интересов пролетариата. Здесь нет места для «норм вроде Habeas Corpus», для признания и защиты прав и свобод индивида. Н.И. Курский восхвалял деятельность «революционных народных судов» как нового источника правотворчества, особо выделял то обстоятельство, что «в своей основной деятельности – уголовной репрессии – народный суд абсолютно свободен и руководствуется, прежде всего своим правосознанием» [2, с. 641–642]. Право, которое воспринималось как орудие диктатуры пролетариата и зависело от правосознания судей, в конечном итоге приводило к произволу и необоснованным обвинениям, неоправданным жертвам и искалеченным судьбам. И все это делалось во имя ложных представлений идеологов коммунистической партии о социальной справедливости и способах ее реализации.

Право как порядок общественных отношений. Представления о классовом характере права нашли свое отражение в общем определении права, данном в официальном акте НКЮ РСФСР (декабрь 1919 г.) «Руководящие начала по уголовному праву». Позднее П.И. Стучка писал об этом: «Когда перед нами, в коллегии Наркомюста... предстала необходимость формулировать свое, так сказать, «советское понимание права», мы остановились на следующей формуле: «Право – это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организо-

ванной силой его (т.е. этого класса)» [2, с. 643–644]. Указанное определение несущественно отличалось от правопонимания Д.И. Курского. Оно всего лишь на более высоком теоретическом уровне оправдывало и обосновывало идею вытеснения права как буржуазного явления. Такие понятия, как «система», «порядок», «форма», были лишены юридической специфики. Без юридической формы право теряет свое смысловое значение и превращается в произвол (неправо).

Меновая концепция права. По-другому классовый поход к праву видел Е.Б. Пашуканис. Для него, как и для К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, буржуазное право – это исторически наиболее развитый, последний тип права, после которого невозможен какой-либо новый тип права, какое-то новое, послебуржуазное право [2, с. 644–645]. Е.Б. Пашуканис довольно реалистично смотрел на право. Многие его идеи актуальны и на современном этапе развития науки. Характеризуя буржуазное право, Е.Б. Пашуканис различал право как объективное социальное явление (правовое отношение) и право как совокупность норм. «Юридические отношения, – подчеркивал он, – это первичная клеточка правовой ткани, и только в ней право совершает свое реальное движение. Право как совокупность норм наряду с этим есть не более как безжизненная абстракция» [2, с. 645]. Е.Б. Пашуканис ошибался в том, что отмирание категорий буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права, так же, как отмирание категорий стоимости, капитала, прибыли и т. д. при переходе к развернутому социализму не будет означать появления новых пролетарских категорий стоимости, капитала, ренты и т. д. Ни буржуазное, ни пролетарское право не могут существовать без формы. Однако гарантией порядка она является лишь в том случае, если соответствует исторически сложившимся условиям жизнедеятельности государства и общества.

Психологическая концепция классового права. Представления о классовом праве, включая и классовое пролетарское право, с позиций психологической теории права, выражались в том, что классовое право в виде права интуитивного вырабатывалось вне каких бы то ни было официальных рамок в рядах угнетенной и эксплуатируемой массы [2, с. 647]. Одним из ярких сторонников психологической концепции классового права был А.М. Рейснер.

Если отбросить марксистские представления о классовой природе права и постепенном его отмирании, в высказываниях А.М. Рейснера можно обнаружить рациональное зерно. Согласно А.М. Рейснеру, «право, как идеологическая форма, построения при помощи борьбы за равенство и связанную с ним справедливость, заключает в себе два основных момента, – а именно, во-первых, волевою сторону или одностороннее «субъективное право» и, во-вторых, нахождение общей правовой почвы и создание при помощи соглашения двустороннего «объективного права» [2, с. 641–647]. В продолжение рассуждений А.М. Рейснера можно отметить,

что представления о равенстве и справедливости действительно зависят от субъективного восприятия различных субъектов, достичь гармоничного сосуществования данных представлений можно только с помощью юридически оформленного объективного права. На первый взгляд кажется, что если бы советской власти удалось уничтожить разделение общества на классы, то необходимость в объективном праве отпала бы, так как субъективные представления различных субъектов о равенстве и справедливости совпали бы. Однако общество обречено не только на классовые различия, но и иные виды различий, которые влияют на формирование субъективных представлений о равенстве и справедливости. Преодолеть возможные столкновения субъектов можно путем соглашения о создании объективного права, облеченного в соответствующую форму. Идея о постепенном отмирании права была утопией. Право не может существовать лишь на субъективном уровне, воля субъектов должна контролироваться нормами объективного права.

Право как форма общественного сознания. Такой подход к праву в 20-х гг. развивал И.П. Разумовский. Он дал следующее общее определение права как идеологического способа и порядка опосредования материальных отношений в классовом обществе: «Порядок общественных отношений, в конечном счете, отношений между классами, поскольку он отображается в общественном сознании, исторически неизбежно абстрагируется, отдифференцируется для этого сознания от своих материальных условий и, объективируясь для него, получает дальнейшее сложное идеологическое развитие в системах «норм» [2, с. 648–649]. Несмотря на то, что И.П. Разумовский воспринимает право как идеологию, в его определении уже есть упоминание о системах норм. Процесс формирования советского права переходит на другой уровень.

Борьба на «правовом фронте». В конце 20-х и первой половине 30-х гг. обострилась борьба между двумя основными позициями в советском правопонимании – позициями Е.Б. Пашуканиса и П.И. Стучки. Судьбоносное значение для науки имел не сам факт наличия дискуссии между сторонниками Е.Б. Пашуканиса и П.И. Стучки, а политизация юридической науки и обвинение ученых в подверженности буржуазной идеологии. В результате многие прогрессивные идеи советских ученых были отброшены. Так, 4 ноября 1929 г. в своем установочном докладе в Институте советского строительства и права Коммунистической академии Л.М. Каганович в качестве примера применения «буржуазно-юридического метода» назвал работу А.Л. Малицкого «Советская конституция» (1924 г.), где его внимание привлекли следующие положения: подчиненность всех органов государственной власти велению закона, т. е. праву, носит название «правового режима», а само государство, проводящее правовой режим, называется «правовым государством»; «советская республика есть государство правовое, осуществляющее свою деятельность в условиях правового режима»

[2, с. 649–651]. Осуществляя политику сворачивания нэпа, государство не было заинтересовано в соблюдении принципа законности, приоритетное значение имел принцип революционной целесообразности.

Концепция «социалистического права». Победа социализма требовала нового осмысления проблем государства и права с учетом постулатов доктрины и реалий практики. В этих условиях Е.Б. Пашуканисом была выдвинута концепция «социалистического права». «Великая социалистическая Октябрьская революция, – пояснял он, – нанесла удар капиталистической частной собственности и положила начало новой социалистической системе права. В этом основное и главное для понимания советского права, его социалистической сущности как права пролетарского государства» [2, с. 652]. В условиях победы социализма марксисты-государственники и правоведы поняли, что даже коммунистическое общество не может существовать без права.

Официальное «правопонимание» (Совещание 1938 г.). В письменном тексте доклада А.Я. Вышинского (подручного И. Сталина) и в одобренных Совещанием по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) тезисах его доклада формулировка общего определения права была дана в такой редакции: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу». Определение права, предложенное А.Я. Вышинским и единогласно одобренное Совещанием 1938 г., вошло в советскую литературу как «нормативный» (а затем и «узконормативный») подход к праву» [2, с. 652–654]. Право, наконец, стало отличаться от других социальных норм (обычаев, морали и т.п.) рядом специфических признаков. К ним относятся: общеобязательность, формальная определенность, связь с государством, охрана от нарушений возможностью государственного принуждения.

Новые подходы к праву. Уже с середины 50-х гг., в обстановке определенного смягчения политического режима и идеологической ситуации в стране, некоторые юристы старшего поколения воспользовались появившейся возможностью отмежеваться от определения права 1938 г. Монополия официального «правопонимания» была нарушена. В противовес «узконормативному» определению права было предложено понимание права как единства правовой нормы и правоотношения (С.Ф. Кечекьян, А.А. Пионтковский) или как единство правовой нормы, правоотношения и правосознания (Я.Ф. Миколенко) [6, с. 655]. Нормативность права предлагалось дополнить моментами его осуществления в жизнь. С учетом сказанного можно согласиться с точкой зрения М.И. Байтина, который пишет: «Оценивая сложный путь, который прошла

с тех пор юридическая наука в нашей стране, есть основания утверждать, что нормативное понимание права явилось определенным ее достижением, несмотря на отдельные недостатки и даже ошибки, которые пришлось впоследствии исправлять» [3, с. 136].

Открытым остается вопрос: почему все-таки нормативное понимание права стало предметом критики ученых. Размышления об уровнях бытия права натолкнули на мысль о том, что после отказа от марксистско-ленинской идеологии право перестало восприниматься как сложная многоуровневая система. Как верно заметил С.И. Максимов: «Относительно автономными уровнями правовой реальности (формами бытия права) являются: а) мир идей (идея права); б) мир знаковых форм (правовые нормы и законы); в) мир социальных взаимодействий (правовая жизнь)» [4, с. 240]. Отказ от марксистско-ленинской идеологии привел к разрушению мира идей, без которого мир знаковых форм превращается лишь в «букву» закона, а мир социальных взаимодействий становится стихийным и неупорядоченным.

О необходимости осмысления понимания уголовного права, которое исходит из единства всех трех компонентов и должно включать в себя уголовно-правовые идеи, уголовно-правовые нормы и уголовно-правовые отношения, пишут многие ученые (например, Н.В. Генрих, В.Е. Квашиш, Ю.А. Пудовочкин и др.). Так, по мнению Н.В. Генрих и В.Е. Квашиша, уголовное право – это самостоятельная отрасль права, представляющая собой систему правовых норм, определяющих преступность и наказуемость общественно опасных деяний и различным образом регулирующих правоотношения между лицом, совершившим преступление, и государством [5, с. 44]. По мнению Ю.Е. Пудовочкина, уголовное право может быть определено как основанная на идеях законности, равенства, вины, справедливости и гуманизма система правовых норм, определяющих преступность и наказуемость общественно опасных деяний, и возникающих на их основе уголовно-правовых отношений [6, с. 157]. В отличие от Ю.Е. Пудовочкина, Н.В. Генрих и В.Е. Квашиш не посчитали обязательным отражение задач, функций и, главное, принципов в определении уголовного права как отрасли права. Такой подход ученых является вполне оправданным. Отобразить в одном определении мир идей, мир знаковых форм, мир социальных взаимодействий почти невозможно, так как это различные уровни (измерения) существования права.

В современной науке уголовного права вполне устоявшейся является позиция ученых, согласно которой «уголовное право не сводится к уголовному закону, и имеет два уровня измерения: нормативный (уголовный закон или «буква» уголовного права) и ненормативный («дух» уголовного права), который является более глубоким и находит свое проявление в его функциях и принципах» [7, с. 698]. Для обозначения сущности уголовного права ученые выбрали термин, который не имеет единого определения ни

в философских, ни в религиозных учениях. Если попытаться обобщить существующие точки зрения относительно интерпретации слова «дух», можно дать следующее определение духа. Дух – это начало и источник всего видимого и невидимого, это энергия, несущая всем и каждому свет и тепло, это связующая нить, невидимая, но очень прочная, что соединяет всех и вся между собой и Богом.

В основе всего видимого и невидимого лежат идеи. К сожалению, ученые не всегда осознают их важность для уголовного права. Например, Ю.Е. Пудовочкин считает, что: «Идеи и нормы права, даже вместе взятые, не дают полной характеристики права. Идея – только пожелание» [6, с. 157]. Если воспринимать идею только как пожелание, она либо никогда не будет реализована на практике, либо станет прикрытием личных выгод и желаний. Таковую реализацию норм нельзя назвать правом.

Еще в 1999 году В.С. Нерсесянц обратил внимание на то, что именно различие права и закона и анализ с этих собственно теоретико-правовых позиций сложившейся ситуации имели определяющее значение для выяснения и критики неправового характера, так называемого социалистического права и советского законодательства [2, с. 656]. Концепция различия права и закона была выдвинута в 70-х годах прошлого столетия, несмотря на это, по оценкам современных ученых, право и закон по-прежнему носят неправоовой характер. Нельзя не согласиться с В.А. Туляковым в том, что сложившаяся ситуация требует дальнейших научных поисков в смысле уголовного неправа и дальнейшего понимания вопроса, касающегося неправового закона и соответствующих реакций на него в тоталитарном государстве и в государстве с демократическим режимом правления общественностью [8].

И уголовное право, и уголовное неправо наполняются смыслом за счет идей, отношение к которым в государствах с тоталитарным и демократическим режимом правления существенно отличается. Идея в тоталитарном государстве носит общеобязательный характер. Во имя нее государство пренебрегает правом, законностью и иными юридическими ценностями, осуществляя террор либо против собственного населения, либо против других государств. Идея в демократическом государстве воспринимается всего лишь как пожелание. Во имя нее почти ничего не делается, ибо важнее всего свобода. Победа либерально-демократической идеологии привела к «сумеркам» свободы, о которых пишет А. Дугин: «... получив свободу, общество оказалось перед проблемами: на что эту свободу можно употребить? Каково ее содержание? Кто устанавливает ее границы? Свобода от чего, было понятно, но свобода для чего? Эти вопросы остались открытыми» [9].

Очевидным стало то, что общество, лишённое позитивных целей и идей, закономерно идет к гибели. Осознанию смысла уголовного права иногда препятствует отождествление идей и принципов права. В юридической литературе уже есть попытки разграничения названных понятий.

Например, М.В. Бавсун, изучая функциональную разницу между идеологией и принципом уголовного права, пришел к следующим выводам: «Являясь несоизмеримыми по своему объему, они, по сути, не способны решать одни и те же задачи, они вообще имеют мало общего между собой, находясь в соподчиненном по отношению друг к другу положении. Одна – идеология – имеет главенствующее значение и определяет как содержание уголовного закона, так и, по сути, его применение. Вторые – принципы – выполняют роль средств, некоего гаранта именно заданного вектора развития сферы уголовно-правового регулирования, оказываясь в статусе регуляторов уже сложившихся общественных отношений и обеспечивая верность применения законодательных предписаний» [10, с. 149].

Есть и другие высказывания, подтверждающие нетождественность идей и принципов права. А.М. Баранов верно заметил, что «для каждого из существующих в истории общественно-государственных устройств характерно свое состояние законности. В этом смысле, наряду с социалистической, можно выделить буржуазную (капиталистическую), феодальную, рабовладельческую и первобытнообщинную законность. По форме государственного правления и политического режима – монархическую, аристократическую (олигархическую), президентскую, диктаторскую, парламентскую, республиканскую, демократическую тоталитарную законность» [11, с. 58–59].

Принцип законности является одним из общеправовых принципов, который применяется в уголовном праве. С другими общеправовыми, межотраслевыми, отраслевыми принципами он соединяется совокупностью идей, которые являются составной частью идеологии. Идеология, в свою очередь, создает мысленный прообраз какого-либо действия, предмета, явления, принципа, отражающий его основные, главные и существенные черты. Идеология определяет количественное и качественное содержание не только принципов уголовного права, но и целей, задач и функций уголовного права. Таким образом, «духом» уголовного права, о котором пишут многие ученые, является уголовно-правовая идеология. При этом не следует забывать, что разделение «духа» и «буквы» закона является весьма условным. Как верно заметил И.Я. Козаченко, язык – душа и совесть уголовного закона [12, с. 109–116]. Именно человек, подбирая нужные слова, наполняет «букву» закона смыслом.

Принцип законности имеет особое значение для уголовного права. Только уголовный закон устанавливает преступность и наказуемость деяния. Несмотря на это, высказывания, согласно которым «уголовного права» как отрасли права на самом деле не существует, а есть только уголовное законодательство (уголовный закон) как отрасль законодательства, вызывают возмущение и множество контраргументов. Например, профессор М.И. Хавронюк считает, что «термин «уголовное право» отражает фикцию (так как он говорит не о правах человека, а скорее об

его обязанностях), а означает существование совокупности явлений, таких как: уголовное законодательство и международные договоры относительно его гармонизации, его толкование (интерпретация), в том числе доктринальное, и практика его применения» [13]. Ученый отрицает даже существование уголовного права как науки и учебной дисциплины. «То, что мы на самом деле называем «уголовным правом» как наукой и учебной дисциплиной, – пишет М.И. Хавронюк, – на самом деле надо называть уголовной доктриной или сокращено – криминодоктриной (от лат. *crimen* – преступление и *doctrina* – учение, наука, обучение, которое предполагает теорию, систему знаний о преступлении), или криминотеорией (от греч. *theōgia* – рассмотрение, исследование), или криминопруденцией (от лат. *crimen* – преступление и *prudentia* – знание), или более привычно – криминологией, как наукой о преступлении (от лат. *crimen* – преступление і древнегреч. *λογος* – учение)» [13]. Свою позицию М.И. Хавронюк отразил в учебном пособии по уголовному праву, рассчитанном на студентов, аспирантов (адъюнктов), преподавателей высших юридических учебных вузов, ученых и практических работников [14, с. 20]. Следовательно, она претендует на то, чтобы стать доктринальной.

На первый взгляд, кажется, что свои выводы М.И. Хавронюк сформулировал под влиянием мировоззрения постмодернизма, основной идеей которого является разрушение ранее существовавших ценностей и представлений об окружающей действительности, однако сам ученый ссылается на природно-правовой (натуралистический) подход к праву. М.И. Хавронюк пишет о том, что «понятие «уголовное право» в общем становится нонсенсом, поскольку оно не имеет никакого отношения к правам человека, которые являются основой и содержанием природного Права» [13].

В действительности, уголовное право имеет прямое отношение к естественным (природным) правам человека. В словаре терминов и понятий по обществознанию разъясняется: «Естественные права человека – совокупность неотчуждаемых прав, законов и норм, регулирующих взаимоотношения между людьми, заложенных в самой природе человеческого бытия (право на жизнь, безопасность, семью, собственность, достоинство, охрану материнства, детства и старости и т. д.)» [15]. Все перечисленные права, блага и ценности охраняются уголовным правом.

Можно согласиться с тем, что уголовное право отличается от других отраслей права тем, что основной его функцией является охрана личности-общества-государства, а не регулирование существующих общественных отношений. Однако охранительные уголовно-правовые отношения тоже нуждаются в регулировании. Например, И.И. Чугуников, анализируя современное уголовное право Украины, выделил такие виды охранительных правоотношений: 1) уголовная ответственность (негативная); 2) уголовные охранительные правоотношения, порождаемые общественно опасными деяниями (правоотношения, порождаемые деяниями невменяемых и мало-

летних); 3) вторичные уголовные охранительные правоотношения (основанием для возникновения которых являются деяния, не представляющие большой общественной опасности). «Каждый из этих видов, пишет И.И. Чугуников, – характеризуется присущими только им основаниями возникновения, субъектами, объектами, содержанием и формами реализации» [16, с. 60].

Еще один аргумент, выдвинутый М.И. Хавронюком, относительно того, что уголовное право не является правом, заключается в следующем: «Единственные права, которые предусмотрены «уголовным правом» – это право необходимой обороны, право причинить определенный вред в условиях задержания преступника, крайней необходимости, исполнения приказа и т. п., а также право быть освобожденным при определенных условиях от уголовной ответственности, от наказания или его отбывания» [13]. Основным содержанием уголовного права М.И. Хавронюк считает положения, которые определяют, что именно является преступлением и какие наказания могут быть назначены за преступление.

Такой упрощенный подход к уголовному праву не соответствует уровню развития юридической науки, а также потребностям практики. Предметом правового регулирования любой отрасли права являются общественные отношения. Специфика же конкретной отрасли права проявляется в особом роде общественных отношений, которые ею регулируются. Уголовное право регулирует общественные отношения, возникающие в связи с совершением общественно опасного деяния. С целью охраны личности-общества-государства уголовное право использует императивный и диспозитивный методы, применяет принудительные и поощрительные меры. Предмет и содержание уголовного права давно уже не связываются исключительно с преступлением и наказанием.

Факт существования в уголовном праве в качестве самостоятельных так называемых позитивных уголовно-правовых отношений, не носящих характера властных, констатировали еще советские ученые. Так, Р.И. Михеев и Б. А. Протченко к таким отношениям относили правоотношения, возникающие в связи с необходимой обороной, крайней необходимостью, задержанием преступника, казус, специальные случаи деятельного раскаяния и др. [17, с. 85]. Ими же обосновывалась точка зрения о том, что «нормы уголовного права не исчерпываются нормами, определяющими преступность и наказуемость. Они содержат еще признаки, подпадающие под признаки деяний, предусмотренных уголовным законом, но преступлениями не являющихся (к их числу относятся и общественно опасные деяния невменяемых)» [17, с. 84–85].

Уже в независимой Украине ученые вынуждены констатировать: «...на данном этапе развития страны государство не может в достаточной степени обеспечить защиту как интересов отдельной личности, так и, зачастую, своих собственных интересов, а поэтому наметилась тенденция расширения объ-

ема субъективных прав у лица как участника поощрительного правоотношения» [16, с. 76]. Так же, как и охранительные уголовные правоотношения, поощрительные правоотношения характеризуются присущими только им основаниями возникновения, субъектами, объектами, содержанием и формами реализации.

Уголовное право как отрасль права независимо от государственного режима, формы правления, господствующей идеологии должно представлять собой *систему уголовно-правовых норм, регулирую-*

щих охранительные и поощрительные отношения, возникающие в связи с совершением общественно опасных противоправных деяний, а также общественно полезных деяний, направленных на пресечение наступления общественно опасных последствий. Определение уголовного права находится в неразрывной связи с определением уголовно-правовой нормы, поэтому дальнейшие наши исследования будут направлены на изучение идеологической обусловленности понятия нормы уголовного права.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Костенко А.Н. Уголовный кодекс как инструмент для злоупотреблений (критика позитивизма в уголовной юстиции) / А.Н. Костенко // Кримінальний кодекс України – 10 років очікувань. Тези. Збірник праць. – Львів, 2011. – С. 216–220.
2. История политических и правовых учений : [учебник для вузов] / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М. : Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1999. – 736 с.
3. Теория государства и права : [курс лекций] / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2000. – 776 с.
4. Максимов С.И. Что есть право? / С.И. Максимов // Правоведение. – 2013. – № 1(306). – С. 238–245.
5. Генрих Н.В. Понятие уголовного права / Н.В. Генрих, В.Е. Квашиш // Общество и право. – 2016. – № 1(55). – С. 38–45.
6. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. – Издание профессора Малинина, СПб., 2005. – 699 с.
7. Вечерова Є. Нормативність як кримінально-правовий феномен: до постановки питання / Є. Вечерова // Правовий вплив на неправомірну поведінку: актуальні грані : монографія / за ред. проф. О. В. Козаченко, проф. Є. Л. Стрельцова. – Миколаїв : Іліон, 2016. – С. 684–701.
8. Туляков В.О. Соціальна функція кримінального права у світі безладу [Електронний ресурс] / В.О. Туляков // Актуальні проблеми теорії кримінальної законотворчості та практики правозастосування : матеріали Міжнар. наук.-практ. Інтернет-конф. (м. Одеса, 27 груд. 2016 р.). – Режим доступу: <http://dspace.onua.edu.ua/handle/11300/6723?show=full>.
9. Дугин А. Сумерки свободы [Електронний ресурс] / А. Дугин. – Режим доступу: <http://www.odnako.org/magazine/material/sumerki-svobodi/>.
10. Бавсун М.В. Методологические основы уголовно-правового воздействия : [монография] / М.В. Бавсун. – М. : Юристинформ, 2012. – 200 с.
11. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : дисс. ... доктора юрид. наук : 12.00.09 / Баранов Александр Михайлович. – Омск, 2006. – 413 с.
12. Козаченко И.Я. Язык – душа и совесть уголовного закона / И.Я. Козаченко // Правоведение. – 2003. – № 2(247). – С. 109–116.
13. Хавронюк М. Дещо про сутність кримінального права (інакший погляд) [Електронний ресурс] / М. Хавронюк // Юридичний вісник України. – 9–15 березня 2013. – Режим доступу: <http://pravo.org.ua/ua/news/4726-/>.
14. Дудоров О.О. Кримінальне право : [навчальний посібник] / Дудоров О.О., М.І. Хавронюк; за заг. ред. М.І. Хавронюка. – К. : Ваіте, 2014. – 944 с.
15. Словарь терминов и понятий по обществознанию [Электронный ресурс] / автор-составитель А.М. Лопухов. – 7-е изд. перераб. и доп. – М., 2013. – Режим доступа: <http://ponjatija.ru/node/11660>.
16. Чугуников И.И. Правоотношения и формы их реализации в уголовном праве Украины : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / И.И. Чугуников. – Одесса, 2001. – 203 с.
17. Михеев Р.И. Правоотношения, порождаемые деяниями невиняемого / Р.И. Михеев, Б.А. Протченко // Советское государство и право. – 1984. – № 11. – С. 85–87.